

18+

Светлана Иконникова

Больно не будет

Нефантастика

Светлана Иконникова

Больно не будет. Нефантастика

«Издательские решения»

Иконникова С.

Больно не будет. Нефантастика / С. Иконникова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938147-7

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Люди
— летают, машины — разговаривают, таланты — протоколируются до
рождения ребенка. Но как поступить, если ты не можешь делать то, что умеют
остальные? Научиться самому или поменять «остальных»? Что будет, если
люди перестанут испытывать душевные страдания? И как жить в мире, где
каждый обязан развивать свой талант? Рассказы Светланы Иконниковой — это
всегда вопрос, ответ на который читатель дает сам. И всегда — закрученный
сюжет. Вы ни за что не догадаетесь, что будет дальше.

ISBN 978-5-44-938147-7

© Иконникова С.
© Издательские решения

Содержание

Больно не будет	6
Крылья	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Больно не будет Нефантастика Светлана Иконникова

© Светлана Иконникова, 2018

ISBN 978-5-4493-8147-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Больно не будет

В мое кафе не так уж часто заходят люди. Сам не знаю, за счет чего я живу. Провести день за стойкой и обслужить всего одного-двух постоянных клиентов – это нормально. Но кровати для сна у меня, конечно же, есть.

На кафе без туалета еще могут закрыть глаза, но кафе без кроватей? Попробуйте. Пять минут работы – максимум. Повесят замок и лишат всех лицензий.

– Ты не вписываешься. – Ежон поставил на стол кружку, провел по ней взглядом – снизу вверх. Сверху вниз по кружке текла пивная капля. Где-то на середине они встретились и, кажется, даже потолкались, не сразу решив, как им разойтись.

– Ты не вписываешься, – повторил Ежон. – Где у тебя вот это вот: «Эгегей!» – Ежон покрутил пальцами, изображая не то прожекторы, не то полицейские мигалки. Наверное, прожекторы.

– Радости в кафе не хватает? – я усмехнулся.

– Нет, мне нормально! Но большинство же! Ему же чтоб «эгегей!»

– Ты придешь в кафе с эгегеем? – я вышел из-за стойки, сел рядом с ним.

– Я – нет, но другие...

– Но мне хочется, чтобы в мое кафе приходил ты. Чтобы были ты, Ирка, Раскин, чтоб Деня со своей компанией... – я начал перечислять завсегдаев.

– Ну, тогда без сверхдоходов, – Ежон подвел черту под моими финансовыми планами.

– Ну, тогда да.

Ежону, кажется, около сорока. Впрочем, может быть, тридцать. Или пятьдесят. Он из тех людей, кто умеет жить за пределами возраста. Однажды рождается, оперативно взрослеет, а дальше – до Альцгеймера. У него нет семьи (да и кому она сегодня нужна?), он ходит в мое кафе посидеть и, что мне особенно нравится, никогда не пользуется кроватями для сна.

Нет, я думаю, он все-таки иногда спит. Но хотя бы не в моем кафе.

Я вообще не люблю, когда в моем кафе спят. И безудержную радость не люблю.

Большинство не понимает, как это: завести кафе без радости – и при этом не надеяться, что люди в нем будут спать. Ежон соглашается со мной: только так и надо.

– А по сколько у тебя обычно люди спят? – Ежон будто читает мои мысли.

– Да по-разному. Час, день... Одна девушка проспала месяц, но у нее было прямо горе-горе. И то, мне кажется, проснулась недоспавшая, – я прищуриваюсь, пытаюсь вспомнить ту девушку и ее горе, но делаю это через силу.

Хотя это глупость, конечно.

Психика у людей – не покрывки, которые изнашивались, выкинул, купил другие. Измочаленные нервы не заменишь по гарантии. Боль обиды не выключишь.

Но ее можно «переспать».

Когда ученые изобрели таблетки для «пересна», мир взорвался эйфорией. Больше не надо страдать, когда тебя бросил парень. Не надо глушить алкоголь, когда наезжает начальник. И даже если погиб очень близкий человек, не надо корчиться в боли, пытаюсь найти себе хоть какое-то место, где можно чуть-чуть дышать.

Ты просто пьешь «пересон» – и спишь. Час, день, неделю... Пока отключаешься, лекарство проводит с мозгом свою работу. Проснувшись, ты все помнишь. Ты продолжаешь любить погибшего и ненавидеть начальника. Но ты больше не страдаешь.

Принимаешь как данность: да, мой ребенок погиб, он был замечательный мальчик, я всегда буду его помнить и любоваться на его фотографии. Не подскажите, распродажи в Икее еще не закончились? Надо бы купить фоторамки, но не хочется переплачивать.

Мозг от эмоций переходит к «рацио». Это не больно. И очень полезно.

Наверное.

Я еще никогда не пил этих таблеток.

И вряд ли буду.

– Ну, пошел я, – Ежон вложил тысячу рублей в деревянную коробочку «для счета», пома- хал рукой.

Чуть покачиваясь, грузно двинулся к гардеробу, споткнулся о новую посетительницу, схватился пухлой рукой за щербатый кирпич стен...

Из-за Ежона я даже не рассмотрел эту девушку – мое внимание было приковано к старому приятелю. Заметил ее только когда услышал громкий смех: словно кто-то перевернул коробку с маленькими металлическими шариками и они поскакали по деревянным столам, железным абажурам, каменному полу...

– Это у вас так курица называется? – смеялась девушка. – Ой, и салат! – она листала меню и хохотала над названиями. Я люблю каламбуры, поэтому, составляя меню, не скупился на них.

В моем кафе редко так смеются. Нет, у меня не пристань мизантропов. Просто приглу- шенный свет и этническая кухня располагают скорее к романтике и задушевым беседам, чем к дискотечному смеху.

Но девчонка смеялась.

По всем законам толерантности я, конечно, не мог назвать ее девчонкой. Девушкой, посе- тительницей, даже мисс – можно. Но она была девчонкой. Густая прямая челка, два хвостика, гольфы, кеды. И ростом – метра полтора, не выше. Но главное – у нее были ямочки. И улыбка. Такая бывает только у счастливых детей.

– Ты похожа на Пеппи Длинныйчулок, – я подошел к ней, рискуя получить вызов в поли- цию за домогательства к посетительнице.

– Прикольнo! – рассмеялась она. – А кто это?

Девчонке было 20 лет. Она не знала Пеппи, не знала Анну Каренину, не знала законы Ома и таблицу умножения тоже, кажется, не знала.

Совсем не дура. Просто для их поколения актуальны другие знания. И школа, которая пытается впихнуть в них Ома и Каренину, конечно же, остается одна со своим Омом и своей Карениной. Школе вообще тяжело: с тех пор, как таблетки «для пересна» разрешили приме- нять с 12 лет, дети перестали слушать уроки. Они их пересыпают.

И я детей понимаю.

– Ты как вообще сюда попала? – я смотрел, как она ковыряла вилкой салат из огурцов и редиски.

– Да я люблю попадать туда, где никогда не была, – девчонка подцепила огурец, посмот- рела на просвет. – А у тебя прикольнo. Только как-то не весело.

– Тебе надо, чтобы музыка, свет, шум... – я покрутил пальцами – точно так же, как крутил Ежон.

– Ага! – она растянула губы в улыбке. – Я такое люблю. Я вообще веселиться люблю, а ты? Почему ты такой задумчивый? Мне кажется, тебе надо выпить пересон. Я, когда так задумываюсь, всегда сразу пью. Но я редко так задумываюсь.

– Я не пью пересон.

Она отложила вилку.

Посмотрела на меня.

– Совсем?!

– Ни разу в жизни.

Это, конечно, была не дружба. Наши отношения даже приятельскими не назовешь. У нас с ней разное всё – начиная от гендера и заканчивая плей-листом. Но девчонка стала то и дело заглядывать в мое кафе. А я стал ее ждать.

– Привет! – она врывалась смеховым торнадо, в котором мелькали ее руки, кеды, улыбки. – Привет! – бросалась на шею, целовала в небритую щеку.

– Привет! – я подставлял шею, щеку... И, кажется, душу.

– А что у тебя сегодня было? – сядила за «свой» стол, заказывала молочный коктейль. – А расскажи какую-нибудь историю!

Наверное, она все-таки приходила не ко мне, а к моим историям. Так маленькая внучка ходит за дедом, выпрашивая у него сказки. И все думают: надо же, как деда любит! А потом она вырастает, дед умирает – и она вдруг замечает, что – нет. Оказывается, не деда любила, а сказки. Взрослой девочке сказки не нужны, значит, и смерть деда – досадное, но совсем не шокирующее событие. Даже «пересон» пить не нужно.

Но мне нравилось думать, что Девчонка приходит ко мне. Я, кстати, спросил потом ее имя. Простое, обычное имя – вообще ни о чем. Мне хотелось называть ее Девчонка.

– Нет, а как раньше жили без «пересна»? – Девчонка тянула через трубочку молочный коктейль.

Только что я отправил на кровать молодую девушку-посетительницу. Та получила сообщение, которое ее ужасно расстроило, и решила срочно «переспать». Что-то насчет ее машины. Кажется, автомобиль должны были вернуть из ремонта не сегодня, а тремя днями позднее.

– Я бы тоже сразу спать пошла! – прокомментировала Девчонка. – Обидно же!

– А может, сначала помучиться? – я усмехнулся цитатой из старинного фильма: все равно Девчонка его не знает.

– Нет! – она даже улыбаться перестала. – Разве можно мучиться, когда можно не мучиться? Мучиться вредно!

– Почему? – зачем я это делаю, пусть живет в своем целлулоидном мире, зачем я сейчас заставляю ее думать? – Почему мучиться вредно?

– Ну-у-у, – Девчонка наморщила лоб. – Потому что это вредно. Так все говорят.

– А ты пробовала мучиться?

– Ты что, дурак? Зачем мне мучиться, если есть «пересон»?

– То есть ты говоришь, что что-то является вредным, хотя сама ни разу в жизни этого не пробовала? – я стер улыбку с лица и посмотрел прямо в глаза Девчонке. Слишком серьезно посмотрел. И слишком честно.

– Ты меня пугаешь, – Девчонка отстранилась. – Мне нужен «пересон».

Она спала уже полтора часа. Еще немного – и проснется. Наверняка сразу же растянет губы в улыбке, засмеется. Даже, наверное, чмокнет меня в щеку. Она больше не испугается моих слов. «Пересон» хорошо действует: убирает негативные эмоции, оставляя лишь позитивные – даже если их совсем чуть-чуть.

Они постоянно радуются – дети «пересна». В их кафе играет громкая музыка и летают воздушные шарик. Они танцуют на улицах. Они любят весь мир и мир, кажется, отвечает им тем же.

Ведь я же – тоже мир? Я же – тоже люблю Девчонку?

Ее светлые волосы легли так, словно хотели скрыть от меня лицо. Торчал только вздернутый нос да кончик уха пробивался сквозь локон. Боже упаси, я вовсе не был в нее влюблен. Но любил – как любят младших детей в семье. И, как родителям хочется, чтобы младший был умный и успешный, но при этом – потискать бы его, так и я...

А нельзя, чтобы одновременно и «потискать», и – топ-менеджер корпорации. Или он у тебя топ-менеджер, или ты его тискаешь. Чего я хочу от Девчонки? Потискать? Или чтобы она начала думать?

– А ты чего здесь? – она потянулась руками и улыбкой. – Охраняешь?

– Да просто зашел. Как настроение?

– Клевое! Я же после «пересна», после него всегда так классно. Не знаешь, что ли? Ой! – закрыла ладошками рот. – Ты ведь его не пробовал!

– Не пробовал.

– Слушай, а как это у тебя получилось? Расскажи! – Девчонка спрыгнула с кровати, засунула ноги в кеды.

– Только если ты обещаешь, что не будешь во время рассказа жрать «пересон».

– А после можно?

– Не хотелось бы. Но – можно.

Он появился, когда мне было уже за тридцать. Сначала к нему отнеслись настороженно: казалось, не может быть – тысячелетия человечество мучилось, страдало, умирало от душевной боли... И вдруг – так просто? Выпить таблетку и все?

Потом его стали давать людям с наркотической зависимостью. Поначалу они спали месяцами: выпивали «пересон», засыпали, просыпались, выпивали еще... А потом вернулись в мир. Им больше не хотелось наркотиков.

– Только на ночь – обязательно «пересон», понимаешь? И я потом весь день – огурец! – радовался давний приятель (а ведь год назад все списали его со счетов, думали – совсем сторчался).

Потом «пересон» освоили аэрофобы. Выпил перед взлетом – проснулся после приземления. Потом и в поездках стали ездить на «пересне» – а то скучно же.

Его использовали как обезболивающее, как снотворное, как лекарство для похудения... Попробуйте месяц ничего не есть, а только спать – вы тоже вернете себе «стройный размер»!

А потом его стали пить как воду – по любому поводу. В каждом офисе появились кровати – чтобы можно было «переспать» плохую эмоцию. В любом торговом центре, в кафе, в театре – где угодно!

Человек спящий священен. У него не воруют ничего. Один случай воровства – и все, «пересон» могли бы запретить. Ни один вор не пойдет на такое. Вор не хочет, чтобы запретили воздух.

– Вы стали двухмерными, понимаешь? – я ходил по комнате, махал руками. – Вы разучились чувствовать. На, прочитай! Прочитай! – схватил с полки стихи Цветаевой (Девчонке девчонку проще понять!) – прочитай, – не жалея, раскрыл на страшном: «Две руки, легко опущенные на младенческую голову...»

Она бежала взглядом по строчкам, шевелила губами.

– Это у нее ребенок, что ли, умер? – спросила, возвращая книжку.

– Да, – я смотрел в ее глаза, пытаюсь найти в них...

– Блин, тяжело ей без «пересна». А дальше чего было? – Девчонка положила ногу под попу, уселась поудобнее.

– А дальше! Она! Страдала! – я захлопнул книжку так, что Девчонка вздрогнула.

Вот зачем? Зачем это все – попытки обратить в свою веру, вытащить из двухмерности, зачем... Хорошая же Девчонка. Добрая. Вон – Цветаеву жалеет. Пусть у нее все будет хорошо.

Медленно дошел до шкафа, поставил книгу на полку, выдохнул.

– Да ладно тебе, – повернулся к Девчонке, махнул рукой. – Было и было. Не бери в голову.

Она смотрела на меня. Ее глаза были широко распахнуты, рот приоткрылся.

– Ты был такой... – слотнула. – Я никогда не видела такого человека.

Она не пришла на следующий день. И на последующий тоже. И через неделю. Глупо, конечно, это все. Она мне не дочь, даже не племянница. Обычная посетительница кафе, коих у меня, между прочим, немного. И мог бы, вообще-то, вцепиться в постоянного клиента и не отпускать. Compliments от шеф-повара какие-нибудь. Коктейли-пирожки.

– А где у тебя эта, с радостью? – спросил как-то Ежон.

– Девчонка? – я сразу понял, о ком он. – Не знаю, может, уехала куда.

– Хорошая девчонка. – Ежон улыбнулся чему-то своему. – Живая.
– Ты и сам-то не дохлый, – в кои-то веки у меня не получилось тонко пошутить.
– Мы с тобой нормальные, поэтому живые, – Ежон поставил на дубовый стол кружку пива, посмотрел в глаза. – А чтобы среди этих живого найти... Ты же не жрешь «пересон».

– Не жру.

– И я. Почти. Вот скажи, зачем мы с тобой это делаем? Чего ради противимся? У этих, которые жрут – у них же все хорошо, понимаешь? У них – хорошо! А у нас? Ты когда последний раз был счастлив? А я – год назад. Еще когда жил с женой. Да, мы ругались, но я был счастлив, понимаешь? А потом она взяла дочек и ушла. К другому кобелю ушла. И ты думаешь, часто я вижусь с дочками? Да хрен собачий! Вот как я хрен свой из-за пуза не вижу, так и дочек. Ни одну. «Алло, пап, извини, мы тут с девчонками», – и все! И не нужен им папа. А если заскучали, проще пересна хряпнуть, чем к папке ехать. К папке надо через весь город тащиться, а пересон под рукой. Вот скажи, я не дурак? Не дурак ли, а? Чего ради я цепляюсь за свою настоящесть? Если можно – таблеточку и все! И все хо-ро-шо!

Ежона несло и, кажется, несло в тартарары.

– Братан, может, не будешь допивать? – я чуть отодвинул его кружку – шестую или седьмую за вечер.

– Вот именно! – Ежон пухлыми пальцами вернул ее назад. – Вот именно. Мы ж все равно бухаем. Бухло – наш пересон. Так какого, Ваняша, хрена, мы не жрем нормальные таблетки?!

Меня зовут Иван. Но Ежон называет меня Ваняшей. Ему можно. Он – друг.

Августовские ночи – как уходящий от остановки автобус. Бежишь за ним, и кажется, ты уже почти сел, почти догнал, но – нет. Он закрывает двери прямо перед твоим носом. И уезжает.

Автобус увозит с собой твое самоуважение.

Август уносит с собой лето.

Я запирал кафе, когда на город опускалась ночь. Кажется, с каждым поворотом ключа становилось все темнее и темнее. И когда я по традиции подергал ручку двери и положил на дверь левую ладонь (для меня это был акт сакральный, как для верующих – перекрестить), все полости города заполнила темнота.

– Эй, – одна из полостей зашевелилась. – Не уходи, – из темноты выступила Девчонка.

– Ты? – ключи выпали из рук – я поймал их почти на подлете к асфальту.

– Слушай, – Девчонка схватила меня за рукав. – Покажи мне, как это – страдать.

Она сидела на высоком стуле – маленькая, чуть начинающая полнеть, мягонькая. Болтала короткой ножкой в красной кеде (красном кеде? Как правильно?) А лицо было сосредоточенным, почти серьезным.

– Я думала про тебя. Когда ты говорил, что страдать – тоже нужно. И про ту маму – ну, у которой ребенок умер. Из стихотворения, помнишь? – смотрела мне в глаза. – Вдруг и правда нужно. Ну, вдруг это что-то такое важное, что я почувствую и вдруг такое – пуххх! – она изобразила руками взрыв. – И что-то будет. Я хочу попробовать, понимаешь? – подалась вперед, словно с моста решила прыгнуть.

Не самоубийство, нет. Прыгнуть с моста с веревкой. Но все равно же как в бездну шагнуть.

– Ты правда хочешь? – даже если она сейчас скажет «нет», я убедю ее. Да, я хочу этого! И мне плевать, что нет слова «убедю».

– Я... да, я хочу. Давай, ты придумаешь, как – и скажешь мне, когда прийти. Давай? – волнуется, отодвигает момент. Нет, моя хорошая. Уже не отодвинешь.

– Сейчас, – беру ее за руку. – Не потом. Сейчас.

– Но, если что, я же всегда могу выпить пересон, ведь правда? – открывает для себя эвакуационный выход.

– Конечно, – фи́га с два я тебе дам его выпить, моя хорошая.

Я сидел перед ней и называл ее самыми отвратительными словами. Я кричал на нее. Я говорил ей правду. Абсолютную правду про нее и ее родителей.

Что они вырастили пластмассовое чудовище. Которое не умеет страдать, а может лишь беззаботно порхать из клуба в кафе и обратно. Что человек без страданий – не человек, а амеба. И что она – такая нежная, солнечная и милая – амеба. И ни один разумный человек даже не найдет, о чем с ней говорить, потому что она – дура. Набитая пустотой дура.

Я кричал это ей. И был готов убить себя.

Она не чувствовала.

После того, как прошел первый рефлекторный испуг, она не почувствовала ничего.

Ни обиды на меня.

Ни досады на себя.

Ни злости на сказанные слова.

Ни унижения от менторского тона.

Мой эксперимент провалился в тартарары. Она могла не пить пересон! Она и без него не страдала!

– Как это возможно?! Как могло случиться? Почему ты не плачешь, не вцепляешься в волосы, не швыряешь в меня табуретку? Почему? – я хватал ее за плечи, заглядывал в глаза: вдруг там, в глубине, есть что-то живое? Настоящее? Чуть-чуть...

– Ну я стараюсь! Мне очень хочется почувствовать, как это – страдать. Но у меня не получается, понимаешь? Вот ты говоришь, что я тупица, а мне только смешно, потому что слово забавное, и все. Обзови меня не забавным словом, может, я расстроюсь?

Бесполезно. Я выпустил ее, сел на стул, помассировал виски.

Пересон оказался сильнее. Он не просто избавлял от страданий «здесь и сейчас». Он выжигал центры боли – так же, как наркотики уничтожали центры удовольствия.

Каким станет мир без боли? Как долго он протянет? Пару десятков лет. А потом homo перестанут быть sapiens. А может, и вовсе перестанут быть. Человек разумный не может жить, не чувствуя другого человека, такого же разумного. Тот, кто лишил нас страданий, одновременно унес в могилу и сопереживание. И сочувствие. И любовь.

– Пошли, провожу тебя до дома, – протянул Девчонке ее ветровку. – А то темно. Вдруг с тобой что случится.

– Ой, да чего со мной может случиться! – фыркнула она. Точно так же, как фыркал я в свои двадцать лет. Когда не было еще никакого пересна.

– Как ты думаешь, почему у меня не удалось страдать? – разочарование от неудавшегося эксперимента уже прошло, и девчонку распирало любопытство. Мы шагали по темным улицам большого города: к сожалению, лучшие умы нашего столетия придумывали пересон, а не дешевое электричество, поэтому половина тротуаров была не освещена.

– Не знаю, – я попытался рассмотреть вдали красную точку (дохлый номер). – Наверное, ты так часто принимала таблетки, что твой мозг совсем разучился страдать. Спустился на первую ступень пирамиды потребностей Маслоу.

– На первую ступень? А что это такое? Что за пирамида?

– Ну, первая ступень – это базовые потребности: чтобы ты была сытой, чтобы тебя не мучила жажда, чтобы тебя никто не бил... Слушай-ка, – я в который уже раз за сегодня схватил Девчонку за руку. – А если я тебя ударю?

– Зачем?

– Он же не мог выжечь у тебя физическую боль! – от волнения я и сам начал говорить как Девчонка, обрывистыми фразами. – Пересон. Он мог зачеркнуть твои душевные страдания, но не физическую боль. Когда тебе последний раз было больно? Помнишь?

– Не знаю. Я вроде ничем не болею...

– Я ударю тебя. Больно. И назову обидным словом. Твоя душа отзовется. Мне очень хочется, чтобы она отозвалась. Давай попробуем. Прошу тебя, давай! – я взял ее ладошки в свои руки.

Она провела взглядом по своим ладошкам. По моей руке. Дотянулась до шеи, подбородка, носа... остановилась в миллиметре от глаз.

– Бей.

Я ударил ее наотмашь.

– Су-у-ука!! – закричал. Громко, пронзительно, больно – уже понимая, что все плохо, все еще хуже и ничего уже не изменится.

– Ах ты козел! – красная точка на горизонте оказалась патрульной машиной.

Двое полицейских скрутили мне руки и затолкали в «воронок».

В клетке для задержанных было пусто и чисто. С тех пор, как в мире появился пересон, преступность вообще пошла на спад. Я сидел на прикрученной к полу табуретке, ругал себя последними словами (господи, ну вот чего не жилось мне?) и наблюдал за действием, которое разворачивалось по ту сторону свободы.

А там штормило.

Девчонка (маленькая моя, девчоночная Девчонка) буянила в отделении хуже комитета против пыток.

– Немедленно отпустите его! – кричала она. – Вы что, не понимаете? Никакого злого умысла не было! Это была игра! Он не издевался надо мной! Выпустите немедленно, или я... – она еще даже не успела сказать, чего именно «или она», но глаза ее метнули такую стрелу ярости, что, не будь я атеистом, поверил бы: сейчас материализуется и попадет точно в лоб молодому лейтенантику. Тот и Уголовным кодексом прикрыться не успеет.

Лейтенантик явно волновался. И, кажется, даже тянулся рукой к упаковке «пересна», но перед задержанным неудобно.

– То есть вы не будете писать заявление? – подрагивающим голосом уточнил.

– Если только на вас! За хамство! – Девчонка победно вздернула носик.

Ай бравушки! Вот это ответ! Вот это каламбурчик. Откуда она научилась так точно реагировать? Откуда вообще в ней что-то еще, кроме детской беззаботности?

Ярость – это, конечно, не страдание, но близко. Это ведь близко?

В «воронок» меня утаскивали стремительно – я не успел даже разглядеть лица Девчонки. Испытала ли она тогда боль? Удалось ли вернуть ей живые чувства? Сейчас, когда она бушевала в отделении, я начал надеяться: удалось.

– Сергей Михалыч, – молодой лейтенантик крикнул куда-то внутрь. – Получается, я задержанного отпускаю?

– Колямба, да задолбал ты уже все спрашивать, – отозвалось из недр. – Отпусти и дай поспать, три часа ночи!

Лейтенантик Колямба вздохнул, заполнил бланк, открыл клетку и дал мне расписаться: здесь и здесь.

– Больше к нам не попадайте, – улыбнулся. То ли пошутил, то ли правда предостерег.

В следующую секунду на мне повисла Девчонка.

– Как я перепугалась за тебя! Как я на них орала! Ты бы видел, как я прорывалась в отделение! – я вел ее домой, держа за руку. Второй рукой она размахивала в воздухе, как флагом. Губы ее растягивались в такую широченную улыбку, что даже я начал улыбаться ей в ответ. И вся она казалась настолько живой и настоящей...

– Спасибо, хорошая моя! – я прижал ее к себе. – Ты сама не представляешь, какое ты золото. Завидую я парню, которому ты достанешься.

– Парню? – она повернулась ко мне. Взяла в ладошки мои руки. Пробежалась взглядом по моим ладоням, рукам, шее, подбородку – и посмотрела прямо в глаза. – А мне не нужен

парень, – произнесла твердо, словно в каждом звуке был гранит. – Мне нужен ты. Я тебя – люблю.

Катастрофа все-таки случилась.

Произошло то, что никогда не могло произойти. Ни при каких обстоятельствах. Двадцатилетние хохотушки не влюбляются в пятидесятилетних владельцев сомнительных пабов. Особенно – в глубоко женатых пятидесятилетних. А если уж и влюбляются – то всегда взаимно.

– Малышка, я тоже тебя люблю, ты такая милая, – улыбнулся ей, уже чувствуя: все. Это конец.

– Ты не понял, Иван. Я тебя люблю. Понимаешь? Не дружба. Не уси-пуси. Я. Тебя. Люблю.

Что я должен был ей сказать? Что моя дочь, живи она, тоже была бы двадцатилетней? Что у нее были бы такие же маленькие ножки, такие же мягкие пальчики, такой же аккуратненький ротик? Что моей дочери нет уже пятнадцать лет, и не будет никогда, потому что «пересон» человечество придумало, а лекарство от порока сердца – нет? Что я не могу влюбляться в Девчонку, потому что влюбляться в дочь – кощунство?

– Извини, – я рушил все, что можно порушить. – Я не могу. Ты слишком...

Ее глаза сжались, ротик выгнулся в обратную параболу.

– Мне больно, – голос словно хрустнул. – Вот здесь. – Она положила руку на грудь, чуть левее середины. – Больно... Мне больно... Больно...

Слезы текли по ее щекам. По логике жанра должен был начаться дождь.

Но дождя не было.

Был только я, только пустой город и только маленькая девочка, впервые познавшая страдание.

Крылья

Часть 1.

Не сказать, чтобы я никогда не был на верхних этажах. Я на них был, и не раз. В конце концов, когда тебе назначают судьбоносную встречу на 12-м этаже, активизируешь все мыслительные способности – но придумываешь, как туда добраться.

Потом долго смеешься, услышав, что встреча переносится на неопределенный срок, но, в конце концов, ты уже наверху. В конце концов, ты не так часто можешь себе позволить смотреть на мир сверху – так почему бы и не? А спускаться... придумаешь, как спускаться. Ты же, в конце концов, как-то поднялся?

Кафе бизнес-центра предлагало стандартный набор кофе-чая-бургеров. Все как на первом этаже. Будьте уверены, я хорошо изучил ассортимент кафешек на первых этажах. Когда двадцать пять лет топчешь ногами землю, становишься непревзойденным гидом по низменной части земли. Гениальным.

– Неужели на двенадцатом этаже нет ничего особенного? Того, что я никогда не найду на первом? – я усмехнулся, изучая меню.

Большеглазая официантка посмотрела на меня удивленно, но спокойно. Наверняка, она тут не первый день. Наверняка, у нее была масса гораздо более фриковых клиентов. Наверняка, она считает меня вполне нормальным.

Это, кстати, странное чувство – когда тебя считают нормальным. Когда люди с тобой общаются как с равным. Потому что внешне ты ведь ничем от них не отличаешься – так же ходишь, изучаешь меню, заказываешь кофе. Вполне возможно, ты даже умнее их: у тебя за плечами два высших образования, а большеглазая официантка, судя по юному личику, только только поступила в вуз. И наверняка подрабатывает, сбегая с занятий.

– Так что с меню? Неужели кафе на двенадцатом и на первом этажах не отличаются? – повторил я.

– Нет. Наверное, нет. По крайней мере, кафе нашей сети – точно нет, – девушка профессионально улыбнулась и взглядом предложила сделать заказ.

А мне просто хотелось поговорить. Хотелось сказать вслух: эй, люди! Я на двенадцатом этаже! Я могу подойти к окну и посмотреть на мир! Или к выходу – и поднять руки. И даже могу присесть – точь-в-точь как вы.

Только полететь я не могу.

– Молодой человек, можно к вам? – он сначала поставил на стул портфель, потом положил на него запыленный плащ, потом сел на соседний стул, а потом уже спросил, можно ли.

– Конечно, – кивнул я.

– Очень мало свободных мест, – он обвел взглядом пустой зал кафе. – Приходится тесниться.

– Безусловно, – кивнул я.

Раз уж он так откровенно вторгся в мое личное пространство, я имел полное право на него посмотреть – долго и пристально. Крепкий, даже можно сказать, полный. Борода с седой. Лысоватый. Умный взгляд. Кажется, я его где-то видел.

– Вам когда-нибудь говорили, что вы похожи на теоретика свободного полета Карла Маркса? – я взял из рук официантки горячий американо и демонстративно закинул ногу на ногу.

– Ох, молодежь, – улыбнулся он. – Катюша, мне, пожалуйста, пуэр и чизкейк. Как обычно. В моем возрасте, – он отвернулся от официантки, словно тут же забыл про нее, – в моем возрасте молодежь, вспоминая Карла Маркса, не уточняла, кто это. Это было смешно.

– О времена, о нравы, – я не мог понять, нравится мне этот человек или нет.

– Генрих Эдуардович, – он протянул руку.

– Ну еще бы! – рассмеялся я. – Вы уж точно не Иван Петрович.

– Кстати, зря смеетесь. Мой начальник – как раз Иван Петрович. Впрочем, – Генрих Эдуардович снова улыбнулся. – Ему это имя действительно подходит намного больше.

– Сергей, – я протянул руку в ответ.

Обычное у меня имя. И человек я на первый взгляд вполне обычный.

Точку в моей самопрезентации поставила пожарная сирена. Твоюмать, я так и знал, что когда-нибудь это произойдет! Что меня выбьет из колеи самая тупая, самая нелепая случайность! Что такая глупость, такая незначительная нелепость, как пожар, окажется для меня фатальной.

– Бегом! – Генрих Эдуардович вскочил со стула, рефлекторно присел – готовый взлететь прямо сейчас, сию секунду.

Мимо нас пролетали официантки, повара, офисные служащие.

Только не хвататься за Генриха Эдуардовича. Он хороший мужик – во-первых. И я все равно не спасусь – во-вторых. Господи, неужели это – все? Неужели мне сейчас станет сначала страшно, потом – больно, а потом – все?

– Сергей, бегом! – он все медлил, не улетал. Из кухни вырывались языки пламени.

– Где укрыться? – прошептали мои губы.

– Бегом! – Карл Маркс схватил меня за шиворот и потащил к балкону.

– Нет! Не надо! – я вырывался как мог. – Отпустите!

Он держал меня со звериной силой. Я мог бы его убить – он не разжал бы руку.

Все умеют летать. Это легко – как поднять руку. Просто отталкиваешься ногами от пола, и летишь. Что тут непонятного? Сереженька, попробуй, это просто. – Мама, у меня не получается. – Доктор, что с ним? Почему он не летает? – Странно. Я не вижу объективных причин. Вестибулярный аппарат абсолютно здоров, мышцы в норме. Он должен летать. – Но ему уже четыре года, и он не летает. Как он будет жить? Я пока еще могу его сама поднимать на этаж, но он растет! Я скоро его не удержу! – Что вы, уже сегодня опасно его носить на руках. Как вы управляете полетом, если у вас в руках – человек? Это безответственно! Немедленно прекращайте! Я буду вынужден проинформировать ювенальную юстицию. – Доктор, пожалуйста, не надо. Мы с мужем что-нибудь придумаем. Какое-нибудь приспособление, чтобы носить его в полете вдвоем. И руки. Чтобы были свободными руки. Но вы точно не сможете ему помочь? – Медицина бессильна. Смиритесь. Скажите... а у вас есть еще дети? Нет? Вам сколько лет? – Двадцать семь. – Вы совсем еще молодая. Зачем вам такое ярмо. Общество вас не осудит, да и ему в обществе будет тяжело. Отдайте мальчика в дом без полета. Там у него будут товарищи для игр – такие, как он сам. А вы родите себе здорового. Судя по всему это генетический сбой, такое с любимым может случиться.

Она не оставила меня в доме без полета – моя мама. Она сказала: «Что-нибудь придумаем». Они таскали меня с отцом в специально сконструированной люльке. Выбора у меня не было: человек, который не умеет летать, сам не попадет даже на второй этаж. Ну что мне, по стенам карабкаться?

Но, видимо, все зря. Потому что сейчас, когда на двенадцатом этаже офисного здания случился пожар, я либо сгорю, либо разобьюсь, упав вниз. Потому что мои родители улетели и забрали с собой люльку. Потому что они прилетят только через час. Потому что никак по-другому мне отсюда не выбраться.

– Так что вы говорили про мое имя? – было странно очнуться от того, что борода щекочет тебе щеку, а чужой голос – ухо.

Я открыл глаза.

Он крепко держал меня в руках – Карл Маркс. Который Генрих Эдуардович.

Ветер трепал волосы. Мы висели в паре метров от башни. Она сгорала – медленно, но безвозвратно. Огонь съедал ее, как червяк пожирает спелое яблоко. Можно было отвоевать кусочек. Этаж. Еще пол-этажа. Но нельзя было спасти ее целиком.

– Как вы не падаете? – этот человек сегодня прочертил мою линию жизни минимум на несколько десятилетий вперед, а я спрашиваю, почему он не падает? Воистину, уникален ты, мозг Сергея Денисова! – Вам же нечем балансировать.

– Я умею делать это без рук. – Генрих Эдуардович снова пощекотал меня бородой. – А вы, молодой человек, довольно увесисты. Не будете против, если мы опустимся на землю? Я ржал.

Я дико ржал на протяжении всех двенадцати этажей, пока Генрих Эдуардович бережно, как ребенка, спускал меня вниз. Я вспомнил, где его видел. Ровно в тот момент, когда коснулся ногами земли и понял: опасность миновала.

– Слушайте. Это ведь вы были тем врачом, что посоветовали моей маме отдать меня в дом без полета?

Он посмотрел на небо (борода поднялась, как крючок для одежды), помолчал.

– Да, – сказал, не поворачивая головы.

– А зачем? То есть – а как вы меня нашли? То есть – ну и? – я должен был спросить у него все! Все, что можно. И я не знал, что спрашивать.

– Ваша... хм, особенность сделала вас бестактным, – ответил он. – Но так проще. Мне будет легче говорить. Пойдемте, здесь есть хорошее кафе.

– Генрих Эдуардович, – здесь, – я сделал упор на «здесь», – никто не ориентируется лучше меня.

– Я так и не понял, почему они рождаются – дети, которые не умеют летать, – Генрих Эдуардович мямлил в руках носовой платок. Как будто он не спас мне жизнь три минуты назад. Как будто он не собирался спасти ее еще раз – окончательно. – Я был уверен: дети просто неполноценные. Они и были такими – в доме без полета. Росли дикими, необразованными, кусались, писались в штаны. Некоторые даже не разговаривали. Олигофрения. А потом ваша мама – она сказала, что будет растить вас как нормального. Извините, как обычного ребенка. Я посочувствовал ей, был уверен, что через три-пять лет она все-таки приведет вас в дом без полета. Но она не привела. Ни через три, ни через пять. Я увидел вас, когда вам было пятнадцать – вы о чем-то спорили с прохожим на улице. Стал наблюдать. Потом вы получили высшее образование, потом – второе. Вы ведь летели, что устроиться на работу, верно? Вас бы взяли наверняка. На первых этажах тоже есть офисы. Но еще тогда, десять лет назад, я понял, что... что вы нормальный. И что все дети дома без полета были нормальными. Что это мы не дали им возможность летать. Как там говорят? Обрезали крылья?

Он оказался совестливым человеком, этот Генрих Эдуардович. И прирожденным ученым. Он не стал придумывать крылья для нас, бесполетных калек. Не стал вскрывать в лаборатории тушки мышей и лягушек, чтобы вживлять в них электроды полета. Он изучал Вселенную – вот так, глобально. Да, хирург – но почему-то Вселенную. Кто разберет, как устроены мозги у этих научных гениев?

– Сергей, это невероятно, но факт. Наш мир – я имею в виду, наша Вселенная – она словно меха у гармони. Мы лишь один из ее пластов. Параллельно существуют десятки других, – он уже смотрел на меня, уже забыл про смущение, даже про то, что я – нелетающий, забыл.

Я уже верил ему. Когда человек вот так загорается идеей – он и правда ученый. Нет, конечно, есть вероятность, что он просто шизик. И вероятность эта равна процентам девяноста. Но Генрих Эдуардович был ученый – я хотел, чтобы он был ученый.

Он говорил про разные миры, которые похожи на наш, будто их рисовали через кальку. Что отличия – микроскопические. Например, в одном мире люди летают, а в другом – нет. Только ходят, и все. Ну, прыгать еще могут.

– Вы умеете прыгать, Сергей?

– Да. Я умею прыгать.

– Вообразите, даже ход истории в этих мирах практически идентичен. Даже персоналии... Вы знаете, в том мире тоже есть Карл Маркс. Только он не теоретик свободного полета, а экономист. Кстати, неплохой экономист, я на досуге почитывал его труды.

– То есть вы попали в тот мир?

– То есть я попал.

– Офигенно. Сегодня утром я был 25-летним Сережей Денисовым, калекой-нелетуном, которого родители принесли на собеседование и которого наверняка приняли бы на работу в рамках зарождающейся толерантности. Сегодня днем я узнаю, что, оказывается, просто родился не в том мире, и нужно срочно бежать к своим, – я облокотился на стол и приблизился к Генриху Эдуардовичу так, что почувствовал запах его парфюма. Он пах хвоей, ветром и немножко дымом. Впрочем, дым – это не парфюмерная история.

– Откуда вы узнали, что родились не в том мире? – когда он открыл рот, к букету добавился запах чая. – Я не успел вам это сказать.

– Я успел об этом догадаться.

– Вы пойдете туда вместе со мной или один?

– Я пойду один.

Часть 2.

Никогда не подаю нищим. Они стонут, что попали в сложную жизненную ситуацию (точнее, они стонут «сами-то мы не местные, отстали от поезда»). Они просят меня о снисхождении. Они хотят, чтобы я вошел в их положение и ужаснулся. И даже готовы рассказать мне свою историю.

Здравствуйтесь, детишечки. А послушайте-ка историю дяди Сережи. И давайте-ка померяемся носами, чья история будет жалобнее.

Дядя Сережа оказался в вашем мире, когда ему было 25 лет. И дядя Сережа, конечно, пребывал в эйфории, что он стал как все. Что никто не тыкает в него пальцем и не подает ему на хлебушек. И еще дядя Сережа бегал по лестницам и катался на лифте. И кричал: «Ну почему? Почему нельзя было придумать такое у нас? Это же так просто – построить в домах лестницы! И я был бы как все, как все!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.